В разные годы ко мне обращались молодые коллеги с просьбой написать рекомендацию для вступления в Союз писателей России. Напутственных слов накопилось далеко за дюжину имен. Есть в этом негласном наставническом списке прозаики и публицисты. Но больше в нем поэтов.

Из рекомендаций, которые я когда-то давал начинающим воронежским стихотворцам, складывается, пусть неполный, мозаичный, но все-таки портрет поколения, ступившего на литературную тропу в начале 2000-х годов. Их голоса по тональности и тембру не схожи с голосами песнопевцев из времен перестроечного сумбура и трагически-авантюрного беспредела девяностых. Их души взвихрены жестокими буднями постиндустриальной реальности. Но и глухих барьеров между этими поколениями время не возводило. Сердца и тех, и других стучат в понятном ритме. Из глубин почвы к ним одинаково прорывается зов родины.

Кто они, идущие следом? Какое слово несут?

ЗЕМЛЯ И СОЛНЦЕ АЛЕКСЕЯ РЯСКИНА

2010 год.

Впервые со стихами Алексея Ряскина я познакомился на страницах журнала «Подъём». Имя молодого автора мало что говорило мне, кроме запавшего в душу впечатления — светло-дымчатого, как играющая волнами в полуденный жар степная даль. У начинающего автора было несомненное чувство поэтического слова. Можно ведь стихи писать умом, через силу, из внутреннего каприза, из желания во что бы то ни стало стать знаменитым, надрывая себя мучительным словесным ремеслом в поисках образа, интонации, звука и цвета. А можно писать легко, просто, естественно, как дышать, слышать, видеть, и все это будет свежо, красиво, живительно, будто ветерок с окрестного бугорка дохнул и ободрил притомившегося путника.

И вот я держу в руках первую книжку стихов А. Ряскина «Солнце за пазухой». И снова ловлю себя на мысли, что первое впечатление об авторе не было ошибочным: густой интонационный замес, сочность метафоры, цветовая гамма и звуковая вязь — проявление его индивидуального почерка. Да, есть переборы, чрезмерные наслоения красивостей, и тогда пересахаренная образность становится самодовлеющей и, как ни странно, банальностью:

И если радугу можно сравнить с песней тихой,
Которая неспешно течет
Из небесных краев в края эти,
То дорогу можно сравнить с огромной книгой,
В которой можно прочесть обо всем,
Что есть на свете.

Переполненность чувств, попытка прикоснуться к вечному, постичь сиюминутное, а затем соединить весь этот обуревающий мир авторских ощущений подчас приводит к торопливости и стилевому сбою. Так, например, произошло в стихотворении «Декабрь, 1916». Среди множества удачных поэтических строк вдруг да наткнешься на чиновно-бюрократическую абракадабру: «Историю великой державы сплетая искусно / Из сплетен и *разной степени* глупости историй...»

На мой взгляд, Алексею Ряскину более удаются не те стихи, где он вязнет в зыбких тропах отечественной истории, и не те, где автор «пускается» в философию, не имея на то достаточного житейского опыта, а те из них, что ведут знакомой дорогой к родному уголку, к земле и речке, полю, цветку, бабушкиной калитке. Таких стихотворений у Ряскина много: «Деревня. Село Запрудское», «Старухи», «Дерево», «Поле пшеницы» и т.д. Вот тогда и рождаются настоящие поэтические строчки:

Здесь, куда ни посмотришь, все небо да травы,
Как ни повернешься — все солнце да лето...
.....
А у нас и куст шиповника поэт...
.....
Деревья... Что вы знаете про деревья?
Это в городе они растут
В форме женского каблука.
А у нас деревья, в нашей деревне,
Корнями держатся и за землю, и за облака.

Не берусь предугадать, насколько долгой и удачливой будет поэтическая тропа Алексея Ряскина. Сохранит ли он в себе эти наивные, чистые звуки, которыми с ним щедро делится родина предков, или его увлечет спокойное, размеренное сло-

во повествователя? Понесет ли и дальше пацански рискованно свое солнце за пазухой? В одном не сомневаюсь: куда бы ни отправился в своих творческих поисках этот одаренный автор, природное чувство русского слова останется с ним в этом дальнем переходе.

ФАНТАЗИИ И СМЫСЛЫ СЕРГЕЯ МАТЫЦИНА

2011 год.

О Сергее Матыцине не скажешь: сложившийся поэт. Он в начале пути по возрасту и стажу. Он пока в той самой замечательной точке творческого состояния, когда можно и нужно искать, выбирать, пробовать, ошибаться и начинать все заново, с чистого листа, меняя вкусы и пристрастия, форму и манеру, оставаясь при этом верным своему внутреннему голосу, выбору сердца. Это не возбраняется, дозволено, и С. Матыцин этим пользуется. Автор понимает это, сознательно играет с читателем. Иногда небезуспешно. Иногда по-борцовски даже эффектно и красиво, не зря мастер спорта по борьбе. Бывает, манерничает, и тогда правила игры преступаются, и обнажается поза, самонадеянность. Ничего не поделаешь, такова природа творчества, поэтического в особенности. В молодом возрасте большинство творчески одаренных людей — максималисты и «ниспровергатели». Всем хорошо знакомы эпатажные есенинские строчки из стихотворения, посвященного своему кумиру Пушкину: «О, Александр! Ты был повеса, / Как я сегодня хулиган...» А вот строки С. Матыцина из стихотворения «У памятника Есенину»: «Эй, тезка, как тебя скрутило! / Увяз ты в камне до пупа. / Лишить поэта главной силы! / Задумка скульптора — глупа». За внешним панибратством, конечно же, скрывается горечь и ирония нашего современника в адрес творцов публичной пошлости, безвкусицы и эклектического конструирования духовных пространств постперестроечной России.

Мне представляется, ставка С. Матыцина на внешний эффект как на оригинальный авторский стиль скорее выдает мучительные попытки обрести себя, построить собственное поэтическое мироздание. Как и многие начинающие авторы, он неплохо владеет поэтической шифрограммой, упрятывая истинное «я» в метафорические фантасмагории и потайные смыслы. Об этом можно судить даже по названиям двух сборников стихов, выпущенных им в 2010 году: «Ускорение в мозги» и «Внешний позвоночник».

Я сам себе Иванушка Сусанин,
Водил себя обманутым врагом,
Где ветра нет, и мухи не кусают,
И на халяву пахнет шашлыком.
.....
Мой смех звучит отдельно от веселья,
Отдельно сплю, отдельно вижу сны.
Я мастер слов отдельно от беседы
И мастер битв отдельно от войны...

Подобных строк в стихотворениях Матыцина встречается много. Угадывается молодое, ершистое стремление сказать о себе, о времени, о друзьях и подружках по-своему, неповторимо, так, как до него никто не говорил. Сверхзадача для любого автора почти непосильная, но похвальная. Без здоровых амбиций, без задиристости и претензий на большое и узнаваемое вряд ли можно достичь поэтического результата. Это вселяет надежду, что со временем чужое, наносное отомрет, а взамен высвободившаяся территория души и сердца будет заполнена яркими, образными, по-настоящему матыцинскими строчками, которых и сегодня в достатке рассыпано по его строфам и циклам:

Колышутся, симфонии роняя,
Ветра на струнах легких паутин...
.....
Музыка карих глаз
Из-под ресниц донеслась.
Был этот карий взгляд
Всех мелодичней сонат...

Из процитированных строк видно: когда авторская защита, «шифрование» не срабатывают, а поза, ершистость не выручают, тогда естественно и мудро звучат искренние признания лирического героя. И понимаешь, насколько раним, беззащитен этот герой С. Матыцина перед жестокостями современного мира.

Не театрально и не драматично,
Просто такая обычная жизнь
Скроена ветром и перышком птичьим
Из полуистины и полулжи.

В стихах Сергея Матыцина явно угадывается полифонизм создаваемого им поэтического мира. В этом мире одновременно уживаются юмор и ирония, исповедальность и парадоксальность. Что-то здесь видится позаимствованным от стилевой манеры Юрия Кузнецова. Но буквально несколькими абзацами ниже мы вдруг натыкаемся на тонкую, нежную мелодичность и лирическую хрупкость в выражении собственных чувств или описании пейзажа. Может, и не совсем верно мое наблюдение, но по мере знакомства со стихами Матыцина мне показалось, что автор — урбанист по нутру и духу, парень с асфальта — в трудные, переломные моменты жизни, оказываясь на решающем рубеже, вдруг «бежит» с тесных, шумных тротуаров мегаполиса на открытое пространство:

Заблудилось весло,
Солнце село на мели
И на волнах зажгло
Все цвета карамели.

С гитарой за плечом, с любимой и друзьями спешит в лес, к речке, к комарам, к луговому ветру, к дыму костра. Для чего? Думается, чтобы таким образом вернуть себя самому себе же:

Играет ночь мотивы тишины
Над крышами, над травами, над снами,
На струнах света сколотой луны,
Аккорды заплетая облаками.

И в эти звезды, да еще в траву,
Что свежестью своею в спину дышит,
Врастаю каждым вдохом и живу,
И музыку пленительную слышу.

Вообще надо сказать, слышать музыку жизни С. Матыцин умеет. Лишь бы симфония создаваемого им поэтического мира как можно реже выдавала фальшивые звуки. Отыскать себя и обрести собственный голос непросто. Очень важно не меняться в главном, обретая новое, может быть, иногда и возвращаться к чему-то ранее недооцененному, утерянному, упущенному. В этом смысле стихотворение «Я стою на мосту. Он гудит. Он бежит подо мною...» звучит как авторский наказ самому себе в ранжировании нравственных ценностей:

Я себя не менял и не буду менять... Но мне нужно
Отыскать-отыскать-отыскать... то, что не оценил.

ЦВЕТ И ЗВУК ИРИНЫ ГЛУШКОВОЙ

2014 год.

О существовании молодой поэтессы Ирины Глушковой узнал в 2005 году благодаря воронежской художнице Валентине Суминой. Тогда меня удивила взрослость, правильная, как у послушной девочки, серьезность взгляда на окружающий мир. Они заменяли собой другие, свойственные молодым авторам качества: самонадеянность, категоричность и чрезмерное любование собой вкупе с вычурностью модных метаморфических конструкций. Спокойный тон, размеренная напевность и искреннее чувство благодарности всему, что ее окружает: родным и близким, лугам и речкам, ветру и звездам. Грусть первой влюбленности легко уживалась с угасающими картинами осени. Мальчишки, вернувшиеся из Чечни с глазами, полными печали, как-то органично соседствовали со слезами матерей — одни плакали от счастья возвращения, другие — от невосполнимой потери. Гордость за Родину, за ее славную историю тесно переплеталась с горечью от несправедливо устроенного мира, с чем приходилось сталкиваться юной душе в повседневной жизни. И эта «жизнь суетная, суровая» тревожила и беспокоила:

Сколько раз от тебя убегала я —
Мне казалось, что к счастью лечу!

Даже двери настежь не успокаивали, потому как
...вот он порог,
В жизнь иную,
Которой не знаю.

Не все стихотворения Ирины Глушковой равноценны по своей художественной огранке. На мой взгляд, в большей степени автору удаются короткие лирические зарисовки о природе. Пейзажная лирика у нее удивительно рельефна, зрима, с гармонично уравновешенным изобразительно-выразительным началом. Сказывается профессиональная принадлежность автора: Ирина — художник, у нее чуткое сердце и цепкий глаз. Потому и стихи ее — это нежные миниатюры, где кистью и словом схвачены мгновенье, образ, штрих, полутень. Я видел некоторые из картин Ирины Глушковой, и они поразили меня своей поэтичностью, многоцветием и, как ни странно, многозвучием. Сравнивал изобразительный образ с некоторыми стихотворными строчками: они органично дополняли друг друга. Например, ветер или березы стихотворные, передающие в комбинациях слов звуковые нюансы внешнего бытия, на картинах через удачно нанесенный масляной краской либо акварелью мазок словно бы тоже звучат, поют, движутся, и это осязаешь явственно.

Новые стихи Ирины Глушковой меня порадовали. Здесь присутствует настоящее Слово — красивое, умное, легко удерживающее на своей поэтической орбите настроение, чувство и мысль, без чего не бывает истинной поэзии. И снова — пейзажи, замечательные картины природы, живые и волнующие. Автор как кудесник кисти вновь дает о себе знать: Ирина не слагает стихи, а именно живописует: «...Ночью лунной / Зааукались ветра...», «...Листвы осенней кружева / И золотые блики света...», «...Небосвод опечаленно пуст. / Винограда распущены плети...», «...Сентябрь свою печаль оставил / Дождям, плывущим в тишину...», «...Качает тучи ветерок / И леса синие одежды...»

Подобных строк много, и каждый образ естественным образом просится в подрамник, на полотно. Приятно, что такими яркими, звучными жемчужинами новые стихи Ирины Глушковой щедро одарены. Радуют живые талантливые строки, которые трогают сердце. Например, такие:

Неярким светом манит береста,
Остыли в рощах горькие рябины.
Родимые, знакомые места —
Печалью опоенные равнины
Мне так давно являются во сне,
Тревожат ветряными голосами.
Как рвется сердце к сонной тишине,
К пустым полям
И к постаревшей маме.
И чтобы душу настежь,
Без помех.
В гамак из паутины лечь росинкой,
И чувствовать времен
Неспешный бег.
И снова стать улыбчивой Иринкой.
За тридевять земель учусь летать,
Здесь благ материальных изобилье.
Но сердце откликается опять
На зов полей,
Где я забыла крылья.

Замечательно, что молодая воронежская поэтесса умеет не кривить душой, находит в себе силы признаться в душевных тревогах и слабостях. За эти прекрасные человеческие качества Бог дает Ирине Глушковой возможность не только помнить и светло грустить о «забытых крыльях», но и возвращаться к точке самостояния, откуда и начинался полет к мечте.

ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ СЕРГЕЯ ЛУЦЕНКО

2014 год.

Имя Сергея Луценко в последние годы звучит в числе наиболее заметных молодых поэтов Воронежского края. Стихотворения начинающего автора публиковались в областной прессе и в журнале «Подъём». Он — непременный участник областных поэтических фестивалей и совещаний молодых литераторов, на которых был отмечен как перспективный стихотворец, успешно осваивающий поэтическое пространство сегодняшнего дня. На настоящий момент автор выпустил два поэтических сборника.

Надо сказать, проживание Сергея Луценко в Павловске, среди красивейших картин природы, на берегу Дона, не могло не сказаться на выборе тем и тональности его лирики. Природа в стихах молодого автора живет, дышит, радуется и волнуется, подобно человеку, перенося свои календарные сезоны-настроения в стихотворные строчки, соединяясь в единую, неразрывную цепь впечатлений, раздумий, состояний души и сердца лирического героя. При чтении стихов С. Луценко создается впечатление, что автор деликатно берет читателя под локоть и ведет за собой — как бы знакомит то с картинами снежной зимы, то с весенним пробуждением, то предупреждает о летней грозе либо приглашает в разноцветное царство осени. То вдруг задержит шаг, остановится, предложит сопереживать авторским настроениям:

Серебряный месяц в дозоре продрог,
Косматые сосны стоят у дорог.
Шагаю по следу сгоревшего дня —
И шепчутся тени, тревожа меня.

Ощущение тревоги — одно из характерных душевных состояний лирического героя С. Луценко. Оно буквально пронизывает все стихотворения автора. Ожидание чего-то страшного, неуютного толкает к поиску выхода из тупика. Отсюда

настойчивое желание обрести свой путь. Какой он, этот путь, в чем он, ни сам автор, ни лирический герой пока не определились. Но боязнь опоздать, не успеть или, что не менее драматично, прошагать «по следу сгоревшего дня» лишают внутреннего равновесия:

Многорукий, многоокий
Мрак ложится у дороги.
За рекой рога трубят,
В дрожь бросая стылый сад...

В поиске своего желанного пути лирический герой опасается непредвиденных препятствий. Его чувствами и мыслями не на шутку овладевают «Невыразимая тревога, / Души колеблющейся тень...». Даже привычные виды родных донских пейзажей не возвращают оброненного душевного равновесия: «Я в Павловске живу, но возле Дона / Бываю редко...», «Мечется тревожно / Ветер за окном...», «Ночь длинна и зла...», «Не видно ни луны, ни луга — / Одна глухая кутерьма...»

Метания ветра, сошедшая с ума в ночи слепая вьюга, долгие и лютые набеги стужи и хрупкий месяц в онемелой мгле легко ранят душу лирического героя, вынуждают в минуты отчаянья признаться: «Мой путь не светел и не прям!» А то и откровенно пугаться собственных открытий: «Запыленный куст полыни / Покачнулся на ветру, — / И пронзило: неужели / Я когда-нибудь умру?!»

Тревожная мелодия душевного строя формирует обостренное до болезненности чувство скоротечности времени, утекающих мгновений, неизбежности ухода всего и вся — как привычных картин окружающего мира, так и самого себя: «Словно из могилы / Я смотрю на свет...» Вообще мотив ухода в стихах С. Луценко навязчив. Будто бы автор видит в нем наиболее эффективный способ отгородиться от жизненных трудностей, от необходимости борьбы за свое место под солнцем. Видимо, главная жизненная установка лирического героя стихотворений С. Луценко заключена не в упорном, настойчивом сопротивлении вызовам времени, а в созерцании бытия, в углубленном погружении в свой внутренний мир. Они оказываются скелетом, фундаментной подпорой для личностного проявления в жестокой современности («Действительность грубая в силе...»). Чтобы в ней утвердиться, необходимо лгать, воровать, обманывать, вилять, изворачиваться, приспосабливаться, а то и откровенно драться. Однако ничего подобного Бог не вложил в тонкую, ранимую душу, кроме естественного человеческого сомнения да растерянности при определении своего духовно-нравственного начала. В философском определении парадигмы творческого поиска эти мотивы отзываются эхом инфантильности нынешнего молодого поколения, изгубленного виртуальным мироустройством, куда можно окунуться, отгородить себя от внешних проблем, создать иллюзию гармонии и минутного комфорта и тем самым еще более надломить и без того хрупкое равновесие души:

Какие бездны испытаний,
Какие беды суждены?
Душа устала от метаний,
От шума и от тишины...
Я от заката до восхода
И от восхода до темна
Плыву, не ведая исхода...

Фаталистское отношение к жизни («Прахом ложатся, встают города — / Было и будет так в мире всегда...», «Извечная истина есть: / С судьбой бесполезна борьба...») становится непредвиденным препятствием, которого так боится лирический герой. Оно дезориентирует, отнимает само желание идти навстречу судьбе как бы по умолчанию, потому что все равно «...скоро / Кончится мой век», что все это

бессмысленно, ведь «по воле Бога» день «Умчится завтрашний... / И послезавтрашний за ним. / Развеется во мгле кромешной / Их горький дым».

Мне представляется, что Сергей Луценко в сонме молодых воронежских стихотворцев, нещадно эксплуатирующих ум модернистским эпигонством и тем самым прячущих за новомодными стихотворными конструкциями свои истинные чувства и открытия, наиболее естественный, открытый, доверчивый и оттого уязвимый. Наверное, его можно упрекнуть в старомодности, в отсутствии причудливо замешанных метафорических зелий и в традиционности образного рисунка. Можно попенять в чрезмерном увлечении классическими образцами, в несвойственном духу нынешнего времени романтизмом. Но он несет свою колеблющуюся душу этому жестокому миру, даже осознавая, что, возможно, будет не понят или осмеян:

С горестями всеми
Жить, судьбе назло!

Сергей Луценко — честный стихотворец. В этом его сила и слабость. Трудно предугадать дальнейшее направление его творческих исканий. Пока есть только мятущийся дух:

Куда идти? Не все ль равно —
Мне всюду холодно, темно...

Но кто возьмет на себя смелость безапелляционно утверждать, что в обществе безвозвратно угас спрос на ясную, чистую, нежную классическую поэзию, музыку, изобразительное искусство? Человеческой природе свойственно периодически возвращаться к эстетическим образцам и формам, сформированным цивилизацией на протяжении тысячелетий.

ВОЙНА И МИР ЮРИЯ СИЛАНТЬЕВА

2014 год.

Можно ли определить по стихотворным строчкам жизненный путь и судьбу поэта? Думаю, что да. Как бы ни стремился автор дистанцироваться от лирического героя, трудно провести четкую грань между этими духовными и нравственными носителями жизненных переживаний. И уж тем более не всегда можно понять, где заканчивается автор и заступает ему на смену, как в армейском карауле, лирический герой. Такова сущность лирической поэзии.

По огневому, экспрессивному слову поэта Юрия Силантьева угадывается непростая военная судьба, полная тревог, потерь боевых друзей, крови, предательств. Автор через образное, емкое поэтическое слово исследует внутренний мир современника, на кого страна и время возложили миссию быть защитником. Вот только возникает вопрос: каких ценностей, чьих ценностей. Размытое время, опошленные идеалы, убитые традиции, пожирающие душу сутяжничество и цинизм побуждают автора и его лирического героя сомневаться в необходимости, оправданности жертвенности и героизма. Допустимо ли человеку военному заниматься самокопанием? Где пролегает граница между долгом и нравственным выбором сердца?

Поэзия Юрия Силантьева своей искренностью, ярко выраженным мужским дыханием, надрывом утверждает: если ты еще человек мыслящий, неравнодушный, если ты еще не превращен в безропотную скотину для выполнения *любых* приказов, ты обязан быть правдив и честен перед Отечеством, временем, собой, любимой, потомками.

В стихах Силантьева много ярких, броских метафор, замечательных образов. Его строка афористична. Вот некоторые примеры:

Не создавайте флот из кораблей,
Способных плавать только по теченью!
.....
Боевые машины десанта на траки мотают асфальт...
.....
И бежит тонконогий, скулящий и дико трясущийся страх...
.....
И мерцает звезды крепко вкрученный в небо шуруп...

Автор талантливо и точно воспроизводит психологический орнамент настроения, не опасается показаться чрезмерно жестким и бескомпромиссным в собственных оценках и в проявлении четкой гражданской позиции:

Шагают батальоны —
И каждый поделен
В грядущем опаленном
На два листа имен.
Вот первый лист — живые,
И мертвые — второй.
Награды боевые
На грудь. И в гроб — домой...

Тема войны и мира, столкновение добра и зла, осознание неестественности сосуществования природы как воплощения вечного, божественного бытия, животворящего и созидающего начала и уродующей человеческую сущность агрессии духа и корысти красной нитью пронизывают творчество автора, диктуют нелегкий нравственный выбор сердца.

...разинувшись в мучительном оскале,
Безногий ослик бился и кричал...

Как видим, мимо цепкого авторского глаза воина-профессионала, кто по должностным инструкциям не имеет права быть сентиментальным и колеблющимся, все-таки в условиях напряженных боевых действий не ускользает такая маленькая мучительная деталь — гибель животного. Образ умирающего в муках ослика взваливает на свои хрупкие плечи тяжкий груз естественной художественной правды и обобщающей философской глубины, что не позволяет нам смириться с такого рода сопутствующим «продуктом» милитаристской психологии человека на земле.

Жестокость войны, бездарность военачальников и безнравственность политиков заставляют лирического героя по-особому ценить армейское братство. А еще уважительно относиться к командирам, кто вместе с тобой «хлебает» из одного котелка горечь и безнадегу военного быта, когда даже «свет луны течет, как чистый спирт, сквозь окно в его пустой стакан». А если вокруг равнодушие, ложь и предательство — в отчаянье подавать сигналы бедствия, как, например, в стихотворении «Монолог подводной лодки»:

Но так долго на помощь вы плыли,
Что, взломав моих люков врата,
Вы увидели лишь: «Нас убили!» —
Надпись, врезанную мне в борта...

Что за тайна с убитыми скрыта,
Что глубины морские таят,
Знают только лишь те, что убиты,
А еще Президент, Бог и я...

Нравственный дух поэтических строк Юрия Силантьева видится мне глубоко жизнеутверждающим, по-офицерски смелым, волевым и честным: «...о стол, как воблу, ты не бей мечту и не смывай отчаяние водкой». Трезвость оценки и твер-

дость жизненной позиции симпатизируют читателю и позволяют доверять автору. Даже в таких, казалось бы, мучительно-горьких строчках сквозь броню социального и государственно-общественного равнодушия просачивается животворный родник сыновней веры, надежды и любви к Отечеству, которому сегодня, как и лирическому герою стихов Юрия Силантьева, тоже нелегко обрести себя в мире меняющихся ценностей:

Не раздается погребальный вой —
Несут мой прах, зашитый в мешковину...
Что ж ты, страна, не плачешь надо мной,
Не воздаешь положенное сыну...

Стерпеть эти упреки, не ожесточиться, остаться единственным светом и опорой гораздо важней всем, ибо миг отчаянья — не выход, не спасательная шлюпка при крушении, он пройдет, а память, правда и честь будут жить сквозь годы.

Строчки Юрия Силантьева — хороший «холодный душ» для очищения души от мерзости, беспамятства и предательства.

ДОМ И ЛЮБОВЬ РИТЫ ОДИНОКОВОЙ

2014 год.

Помню тонюсенькую стихотворную книжечку с истинно девчачьим названием «Ностальгия» начальных двухтысячных годов. Ее мне подарила во время поездки в Россошь автор Рита Одинокова. Под не очень искусно оформленной мягкой обложкой, будто случайно оброненные, переливались на свету читательского любопытства драгоценные камешки лирических ощущений. Именно женских — переменчивых, ярких, нежных. Помнится, не столько удивила оригинальность стихотворного рисунка и не столько, может, внешняя броскость метафоры, сколько светлая, чувственная ткань традиционного стиха, где, по выражению А.Твардовского, «вот стихи, а все понятно, /Все на русском языке».

Не все стихотворения из того сборничка были равноценны по своему изящному художественному исполнению. Многие из них воспринимались случайными и лишними. Чувствовалось, что автору нужен был квалифицированный редактор, чтобы, как говорится, хорошенько перебрал поэтические камешки, отбросив подделку и сырец и сохранив только настоящие — живые, зрелые, выстраданные, мастерски ограненные. Тем не менее, общее впечатление от знакомства со стихами Р. Одиноковой было светлым.

Вторая книга Риты Одиноковой «Женщина с красным зонтом» выглядит более удачной, хотя и там присутствует свойственная молодым авторам всеядность, стремление «набить» страницы как можно большим количеством содержимого, забывая о том, что разговор писателя и читателя — особо хрупкий и взыскующий вид общения. Там ведь нет равенства, там есть право выбора за тем, кто оценивает и принимает решение: читать дальше или закрыть книгу, не получив ожидаемого собеседника. Собственно, Рита и сама на уровне интуиции это осознает:

Бездушный критик режет по-живому
Безропотный, лежащий перед ним,
Как на распятье, стих новорожденный,
Еще дышащий воздухом моим.

Безусловно, между двумя этими книгами — огромная творческая дистанция. Заметен несомненный профессиональный рост автора, большая требовательность к себе. Рельефней обозначились темы и сюжеты. Конечно, любовь, как это и повелось в женской поэтической традиции, в творчестве Р. Одиноковой преобладает. Страсть и тревога, измена и разлука, примирение и обновленные чувства после

суровых испытаний, потери и обретения, всепожирающий быт с варкой, стиркой и жажда внимания со стороны любящего человека, воспитание детей и поиск себя в этом перемешанном, перепутанном мире, где не всегда понимаешь, «Кто друг, кто враг, кто просто брел домой...»:

А я не знаю, в чем искать надежду,
А я не вижу, где мой хлеб, где кров.
Я только и жива, пока я между
То небом, то детьми.
А где любовь?

Но мне не страшно:
Жизнь полна потерь.
Любовь пусть будет легкою потерей.

Конечно, в последней строке автор как бы совершает игру перед воображаемым читателем: как раз любовью-то лирический герой на деле дорожит более всего. Но это легкая, необидная, созидающая игра, она скорее являет природное женское кокетство, сценической площадкой для которого в стихах Р. Одиноковой нередко выступает юмор и самоирония. И это радует, дает надежду, что у автора и его лирической героини все в порядке с нравственным и духовным здоровьем. Об этом свидетельствуют стихотворения: «Дома, огороды, дачи...», «Все отделилось — мысли, руки, пот...», «Поэтический футбол», «Бездушный критик», «К читателю».

Наравне с любовью в стихах Риты Одиноковой мощно соседствует тема дома, неотделимого от понятий малой и большой родины. Этот образ не конфликтует, скорее, дополняет высокое чувство любви. Он — ее оборотная сторона. Если у любви нет опоры, земной тверди, места постоянного обитания, то говорить о полноценном постижении себя, мира бессмысленно.

И крепок дом, и сладок абрикос,
И вишня налилась зарею алой.
И счастье поминутное считало:
Любить и быть любимой... На износ!

В минуты таких раздумий лирическая героиня стихов Р. Одиноковой делает для себя удивительные по мудрости, по философскому обобщению открытия: «Где рождается ненависть, там разрушается дом...», «Мой дом без друзей пуст, как стручок / После дождей...»

Собственно говоря, чем глубже погружаешься в поэтический мир поэта, тем многограннее предстает образ дома, тем явственнее понимаешь, что не случаен он у автора, изыми его — и остальные грани творчества Р. Одиноковой меркнут, теряют животворящий свет. Способствовали тому, видимо, и личные обстоятельства. Не в Россоши историческая малая родина автора. Вынужденный переезд из Закавказья в степной городок глубинной России в результате трагических событий конца 80-х годов — и личная драма, и судьба целого поколения переселенцев из национальных окраин СССР:

Перекрестками голосистыми
Из далекого далека
Шла война по хребту российскому
От кавказского позвонка...

Об этом автор говорит нечасто, но если вырывается из сердца строка, то читателя берет за живое:

Родина моя, золотом вышитая
На белом.
От солнца — боль.

В сердце каленой судьбой выжженная
Рана — берегов Каспия соль.
По бескрайним тропам, путям
Меня Россия, как мать, ведет.
А за хребтом Кавказским, там,
Ждет Апшерон, ждет…

Наверное, здесь как раз и спрятан истинный смысл метаний, бесконечный мотив движения, вечной дороги, не одолев которую невозможно обрести дом, покой, уют, любовь:

Давно умолкли чудо-поезда,
А я все еду в сутолоке судеб…
И жив мой дом…

Дом там, на прошлой малой родине, дом здесь, на новой малой родине… А между ними — мятущаяся душа современника со своими болями, памятью, опытом… Не побороть, не отмахнуться. Старая родина далеко, новая обогрела, наполнила сердце любовью и светом. Но и та, и эта родина одинаково дороги, желанны, они — как две половинки одного целого. Время влетает в распахнутые окна сегодняшнего, настоящего дома вместе с запахом весеннего цветка, вместе с январской снежинкой, прохладной тенью в летнюю жару от собственной виноградной лозы. И это же время, обращаясь в память, сочит ветерком в оконный проем, напоминая о том утерянном, прошлом доме и оставленных там друзьях:

Но даже и оттуда, где земля
Закрыта нам для выдоха и вдоха,
Мои друзья к себе зовут меня
И открывают двери перехода.
Мои друзья, не ведавшие, как
И почему себя от мира прячу,
Приходят вновь ко мне, как добрый знак,
Как утро, приносящее удачу.

Надо сказать, несмотря ни на что, поэзия Р. Одиноковой созидательна по сути своей, она всегда наполнена оптимизмом и верой. Не случайно в ее стихах среди излюбленных слов и образов часто встречаются такие жизнеутверждающие символы, как солнце, свечение, луч и свет. По убеждению автора, без них нет гармонии и права на простое человеческое счастье:

Быть может, через боль запретов
Над беспорядком бытия
Еще взойдет звезда поэта,
А с ней и солнечность моя…